

В.СЫРОВ

Европейский контекст в джазе

(опубликовано в книге «Свое» и «чужое» в европейской культурной традиции. Нижний Новгород, 1999)

Многие явления современной культуры, неевропейские по своему внешнему облику, при более внимательном рассмотрении обнаруживают европейские элементы. Танго, негритянский блюз, испанское фламенко, цыганская музыка, джаз - вот лишь некоторые из них. В их ряду джаз занимает исключительное место, так как, рожденный в глубоко противостоянии европейской традиции, он со временем сблизился с ней, отразив это в различных жанровых и стилевых метаморфозах. Как произошло это художественное превращение? Как получилось, что джаз перерос себя и, изменив свой фольклорный и легкожанровый облик, стал феноменом *искусства XX века*?

Говоря «европейская традиция и джаз», мы должны различать два момента: европейскую песенно-танцевальную традицию как непосредственный *исток* джаза и европейскую художественную традицию как *стилевое влияние*, которое джаз испытал на сравнительно поздней стадии своего развития. Первое обуславливается жанрово-танцевальной природой раннего джаза и как бы заложено в генетической структуре его хромосом, второе есть признак «приобретенный», возникающий в момент, когда джаз из музыки увеселительных заведений превращается в музыку концертных залов и престижных джазовых клубов. Оба преломления европейской традиции - исток и стилевое влияние - образуют нерасторжимое единство. Это единство можно также понимать и как диалог «своего» и «чужого», что делает джаз моделью универсальных культурно-стилевых процессов.

Характерно, что в первом случае европейскую традицию трудно вычленишь из комплекса других джазовых истоков, так как она существует с ними в неразрывном синкретизме, во втором же традиция эта дифференцируется сравнительно легко, представая в форме всевозможных заимствований, перефразирований, воздействий и влияний. Последние более заметны, они лежат на поверхности стилового процесса и дают благодатный материал для аналитика. Обе формы - синкретическая и синтетическая - требуют различных подходов к их изучению.

Так, например, если в первом случае актуальной становится проблема ассимиляции бытовой музыки Европы в контексте афро-американской культуры и джаза, то во втором возникает проблема «джаз и классическая музыка», которая в свою очередь обнаруживает два аспекта: 1) влияние джаза на европейских мастеров XX века (вопрос этот достаточно подробно изучен в исследованиях В.Конен, Г.Шуллера, У.Сарджента, Д.Ухова), 2) влияние идей и форм европейской классики на джазовую музыку. Второй аспект изучен в меньшей степени и поэтому составляет предмет данной работы. Но для начала вернемся к европейской традиции как одному из истоков джаза и понаблюдаем ее в рамках прото-джазовых форм.

Происхождение джаза изучалось многими авторами, глубоко и всесторонне это сделала В. Конен, в чьих трудах вскрыты многосторонние контакты европейской и африканской культур на американском континенте. В частности, речь идет о светской и духовной музыке Европы, которая активно переплавлялась в спиричуэлсы, блюзы, рэгтаймы, привлекалась как материал для «несерьезных» переработок и пародий в «менестрельной комедии», и в таком новом качестве становилась материалом раннего джаза. Активную ассимиляцию европейских песенных и танцевальных жанров на афро-американской почве отмечают практически все, кто писал о джазе (М.Стернс, Дж.Коллиер, У.Сарджент, Ю.Панасье, В.Овчинников и др.).

Однако симптоматичен факт, что в самом понятии «афро-американская культура» заключена известная неполнота - ведь фактически важный, *европейский* пласт здесь не обозначен. И дело не только в названии (словосочетание «афро-американо-европейская культура» было бы слишком тяжеловесно), а в том, что многие дефиниции джаза вольно или невольно вуалируют его европейское происхождение, тяготея к стандартным и однозначным формулировкам типа «джаз - музыка американских негров».

Другой их недостаток - чрезмерно резкое разделение в джазе африканского и европейского. Обратимся к Маршаллу Стернсу, который характеризует джаз, как разновидность «полуимпровизационной американской музыки, отличающейся мгновенным воздействием, особой выразительностью в трактовке человеческого голоса и сложным льющимся ритмом». Автор приходит к выводу, что «джаз стал результатом трехвекового смешения на американском континенте европейских и западно-африканских музыкальных традиций, и его главные компоненты - европейская гармония, афро-европейская мелодия и африканский

ритм» (1, с.282). При всей справедливости подобного определения, зададим себе вопрос - а не нуждаются ли сегодня в уточнении формулы «афро-американская мелодия» и «африканский ритм»?

Попробуем скорректировать их несколько иначе и скажем так: «джаз это европейская гармония, *американская* мелодия (а она, конечно же, в большей степени европейская) и африканский ритм». Но и в таком случае, что есть «африканский ритм»? - ведь ритмическая система джаза впитала и переплавила не только традиции африканской полиритмии и синкопирования, но и ритмической раскачки, идущей от европейских маршей и танцев. Более того, ритмика джаза базируется на типично европейском принципе *главной* ритмической пульсации - в джазе она называется граунд-битом (от английского «ground-beat») - в то время как для африканской музыки граунд-бит не характерен, поскольку она основана на принципиальной *множественности* ритмических пластов. Что же касается самой ритмической раскачки - свинга (этой «святая святых» джаза) - то позволим себе высказать следующее предположение: свинг никак не противоречит европейской маршево-танцевальной традиции. В этом нас убеждает не только марш с его раскачивающимся шагом, но и многие европейские танцы. Например, ирландская жига, итальянская тарантелла, польская мазурка, французский канкан, европейский вальс - каждый из них по-своему воплощает идею ритмического раскачивания. Конечно, автор далек от намерения видеть в вальсе или мазурке непосредственных прародителей джазового свинга. Речь совсем о другом, о неких праосновах ритма, которые не реализовались в полной мере в европейской музыке Нового времени, проявившей склонность к более «организованному» концентрированному метру, но продолжали жить в народной и бытовой музыке, а затем проросли в ритмике джаза.

Возвращаясь к свингу в узком смысле слова, отметим, что в образцах традиционной африканской музыки он не обнаруживается. Как не обнаруживается там и характерное для джаза блюзовое интонирование с его знаменитой «блюзовой» терцией. Не найдем мы всего этого и в латиноамериканской музыке, которую справедливо считают важнейшим истоком джаза. Откуда же возникли свинг и блюзовые тона? Не стали ли они продуктом длительной ассимиляции европейских ладовых и ритмоинтонационных формул? Кстати, рассматривая африканский пласт в джазе, В.Конен справедливо замечает, что «родство между африканской музыкой и джазом представляется сходством скорее *чисто формальных*, чем выразительных приемов. Эротичность джаза, нервоз-

ность темпов, его сравнительно развитая мелодика европейского типа не имеют связи с африканской культурой». Исследователь подчеркивает, что «черты африканской музыки явно видоизменились под влиянием иной музыкальной среды и иного типа эстетического мышления» (2, с 265).

Вторая сторона обозначенной выше проблемы - *влияние* европейской культуры и, в частности, классической музыки на джаз. Здесь следовало бы начать с регтайма, который, помимо европейских маршево-танцевальных истоков, обнаруживает и непосредственное влияние европейской фортепьянной традиции. Можно сказать, что в регтайме истоки и влияния совпадают, и их не всегда возможно разделить.

Овладение европейской традицией в джазе протекало по закону от внешнего к внутреннему: от прямых заимствований, цитат, транскрипций и адаптаций к опосредованному претворению материала (позже по этому пути пойдет и рок-музыка). Вначале (20-30 гг.) это были робкие заимствования из популярной классики, позже (30-40-е) появились транскрипции и обработки, и только с 50-х годов возник и утвердился более широкий подход к ассимиляции европейской традиции.

Изобретатель термина «третье направление», Гюнтер Шуллер в своей статье «Джаз и классическая музыка» также прослеживает две стадии в процессе европеизации джаза. Первая датируется 20-ми годами, когда у музыкантов возникает желание породнить язык джаза и высоко почитаемой ими классики. Имеется в виду старшее поколение джазменов: Джон Пит Джонсон, Дюк Эллингтон, Пол Уайтмен. Последний оказал ощутимое влияние на Джорджа Гершвина, который посвятил ему свою «Рапсодию в стиле блюз». Кстати, в оркестре Уайтмена в 20-е годы играл выдающийся белый трубач, пианист и композитор Бикс Бейдербек, уже в 20-е годы мечтавший о создании «джазовой симфонии» и выработавший самобытный стиль, во многом близкий звучанию камерной музыки.

Вторую стадию, возникшую в 50-е годы, Шуллер связывает с поколением музыкантов нового типа. Это были первые профессионалы, которые одинаково свободно чувствовали себя как в джазе, так и в классике. Среди них Джон Льюис, Билл Эванс, Джимми Джуффри, Лени Тристано, Дейв Брубек. У многих за плечами был опыт консерваторий и университетов, и может быть именно это обстоятельство помогло им свободно ориентироваться в европейской традиции.

Несмотря на интенсивную эволюцию джаза, можно смело утверждать, что, активно привлекая и перерабатывая «чужое слово», он, тем

не менее, остается самим собой, *не сливается* с музыкой европейской академической традиции. Удивительная способность конденсировать окружающую информацию, сохраняя при этом самобытность и высокую «пассионарность», составляет главное качество настоящего джаза. Хотя, говоря об издержках, отметим и здесь примеры поверхностного европеизирования, кокетничанья с классикой, следования моде или коммерческим целям. Такой музыки за свою многолетнюю историю джаз накопил немало, в частности, в области свит-джаза («sweet» - приятный, развлекательный).

Различный вес природного и приобретенного определяет внутреннюю неоднородность жанрово-стилевой системы джаза. Здесь, в частности, прослеживаются две линии: первая ведет от регтайма к страйд-пиано и далее к различным европеизированным гомофонным формам, получившим огромное распространение в джазе, вторая коренится в блюзе и тяготеет к свободной вариационности. Связь с европейской традицией в последнем случае более опосредована, раскрывается лишь через общий вариационный принцип.

Можно говорить о внутреннем противоречии, а точнее, о *дуализме* джаза. Так, Мартин Уильямс в своей книге «The Jazz Tradition» размышляет о существовании в джазе «синтезирующих композиторов» и «интуитивных импровизаторов»(3). К первому типу он относит Эллингтона и Монка, ко второму - Армстронга и Паркера. Продолжая мысль Уильямса, можно сказать, что «синтезирующие композиторы» джаза - кроме Эллингтона и Монка это Джелли Ролл Мортон, Джон Льюис, Чарли Мингус, а в наши дни Чик Кория - все они демонстрируют близость к художественной традиции Европы, каждый по-своему разрабатывая ее различные стилевые и жанровые пласты. Воспитание и творческий облик этих столь несхожих по манере музыкантов свидетельствуют о прочной преемственности с этой традицией, что выражается в приоритете составных форм, европейском гармоническом мышлении, в более мягком звучании музыки, особом «артистизме» и т.д.. В отличие от них «интуитивные импровизаторы» - кроме Армстронга и Паркера этот тип олицетворяют ранние ньюорлеанцы, в новом джазе - Джон Колтрейн, Майлс Девис, Херби Хэнкок - все они ближе к афро-американским корням, музыка их тяготеет к большей интуитивности, текучести, импровизационности, ориентируется в большей степени на блюзовую лексику. Если здесь и можно говорить о проявлении европейского начала, то скорее в ее прото-художественных, фольклорных выражениях.

Сказанное подтверждает огромную значимость европейской традиции в джазе. Ее изучение по-настоящему еще не начиналось, и данное сообщение - лишь попытка обозначить контуры будущего исследования. Несомненно две формы преломления европейского (исток и влияние) должны быть главным объектом этого исследования. Анализ можно было бы продолжить на примере творчества многих джазовых мастеров: Джелли Ролл Мортон, Дюка Эллингтона, Арта Тэйтума, Ленни Тристано, Билла Эванса, Дэйва Брубeka, Чика Кория и др. Кроме того, интересно преломление их опыта в творчестве европейских джазменов, в частности, наших, отечественных. Интересен также вопрос о различиях в *восприятии* европейской традиции белыми и черными импровизаторами. В каком случае последняя предстает рельефнее? В частности, почему именно белые склонны недооценивать (и даже игнорировать) ее роль в джазе? Не потому ли, что для европейца его родная традиция - обыкновенное явление, которое он попросту не замечает, как не замечает окружающий воздух, которым дышит? И не случайно ли, что один из наиболее ярких образцов творческого преломления европейской традиции в джазе мы находим именно в полифонических композициях *негра* Джона Льюиса?

В сегодняшнем джазе наблюдается парадоксальное противоречие. С одной стороны, в нем несомненно возрастает роль белых, а вместе с тем, и вес европейского начала. Современный джаз как бы «белеет» и все более европеизируется. Афро-американский пласт при этом растворяется или занимает иные ниши массовой музыки (соул, рэп, хип-хоп). Оазисы «черного» джаза, например, фри-джаз, также европеизируются, о чем свидетельствуют опыты Джона Цорна и Фреда Фрита, создавших альтернативный, «белый» вариант фри-джаза. В них больше влияния западного авангарда нежели собственно импровизационного джаза. С другой стороны, время летит стремительно, и сама европейская культура трансформируется вместе с культурами Азии, Африки, Латинской Америки в некую глобальную планетарную мегакультуру. Можно ли будет в недалеком будущем вести речь о европейской традиции в ее чистом виде? Или же она - пройденный этап, хотя и давший прекрасные, по сей день не утратившие своей ценности, плоды? И в связи с этим, конкретный вопрос - каково будущее джаза? Сохранит ли он единство в новом «мэйнстриме» или же, как дельта могучей реки, разбежится на множество рукавов и протоков? Думается, ответы на все эти и другие вопросы мы получим лишь в грядущем XXI веке.

Примечания

1. Stearns M. The Story of Jazz. New York, 1956.
2. Конен В. Пути американской музыки. М., 1977.
3. Williams M. The Jazz Tradition. New York, 1970.

Сборник «Свое» и «чужое» в европейской культурной традиции. Нижний Новгород, 2000.